Мирослав Шкандрий

Радио Вена: радиопередачи Организации Украинских Националистов (1938-1939 гг.)

ОУН (Организация Украинских Националистов) осуществляла радиовещание ежедневно из Вены и Братиславы с 29 сентября 1938 по 22 сентября 1939 года. Передачи разглашали вопрос возможности самоопределения для Украины, тема, которая была широко обсуждаема в Европейской и Североамериканской прессе того времени[1]. Стенограммы этих радиопередач сохранились[2]. Эта статья исследует идеологическое содержание радиопередач в политическом контексте поздних 30-х годов.

Майкл Винч, английский репортер, путешествовавший по Карпатской Украине в период ее короткого существования с октября 1938 по март 1939 года, написал книгу под названием *Республика одного дня: свидетельство очевидца Существования Карпато-Украинского инцидента в 1939 году*[3]. Он полагал, что в Германии существовало два фундаментальных различия в подходах к новосозданному государству. Первый из них представлял взвешенный официальный подход Берлина, который видел преимущества от ирредентизма Карпатской Украины, но предпочитал притормаживать возможные ожидания какой-либо помощи в этом от Германии.

Второй подход, согласно Винчу, был точкой зрения про-нацистских кругов Вены: он приветствовал раздел Чехословакии и создание Великой Украины. Винч сообщал, что правительство Карпатской Украины в Хусте придерживалось уме-

[1] После подписания Мюнхенского договора были созданы новые государственные объединения – Словакия и Карпатская Украина (когда Карпатская Украина стала частью Чехословакии, в 1919 году, территория эта называлась Подкарпатской Русью, на чешском – Podkarpatska Rus). В англоязычных публикациях чаще встречается название Карпато-Украинское государство.

[2] См.: Mykhailo Seleshko Archive. Ukrainian Cultural and Educational Centre (Oseredok), Winnipeg, ОУН B3 (c), B4 (a) Ea-4-8, ОУН B4 (a) Ea-49.

[3] Winch M. Republic for a Day: An Eye-Witness Account of the Carpatho-Ukraine Incident. L., 1939. Мюнхенское соглашение 29 Сентября 1938 года заставило Чехословакию 7 Ноября признать желание Словакии на собственную автономию, а также на следующий день на автономию Карпатской Украины. Последняя к 11 ноября смогла сформировать свое правительство. Ее первый президент, Андрей Броды (Andrej Bródy) (который также использовал венгерское правописание своей фамилии Andras Bródy), был арестован Чешскими властями за секретные контакты с Венгрией, которая хотела аннексировать эту территорию. 26 ноября была создана украинофильская администрация, возглавляемая католическим священником, Монсиньором Августином Волошиным (Augustin Volosin). Спустя три недели, после так называемого Венского арбитража, Венгрия получила экономически наиболее развитую территорию, включая столицу, город Ужгород. Столица же перешла в город Хуст. Государство было оккупировано Венгрией 14 марта 1939 года.

ренной риторики в своих радиопередачах из Братиславы, в то время как Венская станция, «которая выпускала неофициальные украинские бюллетени, была агрессивно анти-чешской и анти-польской в своих высказываниях, и ежедневно изображала украинцев как героев, которые борются за какие-то неосязаемые права в мире тьмы и несправедливости»[4].

Вполне возможно, что официальные коммюнике правительства Карпатской Украины из Хуста транслировались отдельно. Однако в стенограммах радиопередач из Вены и Братиславы, которые были привезены в Канаду в 1948 году организатором ОУН в Германии Михайлом Селешко, официальные заявления правительства Хуста смешаны с информацией из немецкой, чешской, польской и другой прессы, а также с комментариями ОУН. Тон комментариев менялся день ото дня. Все стенограммы по-видимому пересматривались одним из лидеров ОУН, Ярославом Барановским (псевдоним Макар). Они включали в себя его рукописные корректуры и замечания.

Эти радиопередачи предоставляют уникальный взгляд на политику ОУН того времени, когда организация втягивались в сотрудничество с Германией. Они охватывают период существования Карпатской Украины, но также период роста конфликта Германии с Польшей в 1939 году и вторжения Гитлера и Сталина на территорию Карпатской Украины 1 и 17 сентября 1939 года соответственно. Военная разведка Германии разрешала ведение радиопередач как часть политики ослабления Чехословакии, а впоследствии и Польши: стенограммы включают в себя сильную критику этих стран, но в то же время разрешают критику Советского Союза лишь до 23-24 августа 1939 года, дня подписания Пакта Молотова-Риббентропа.

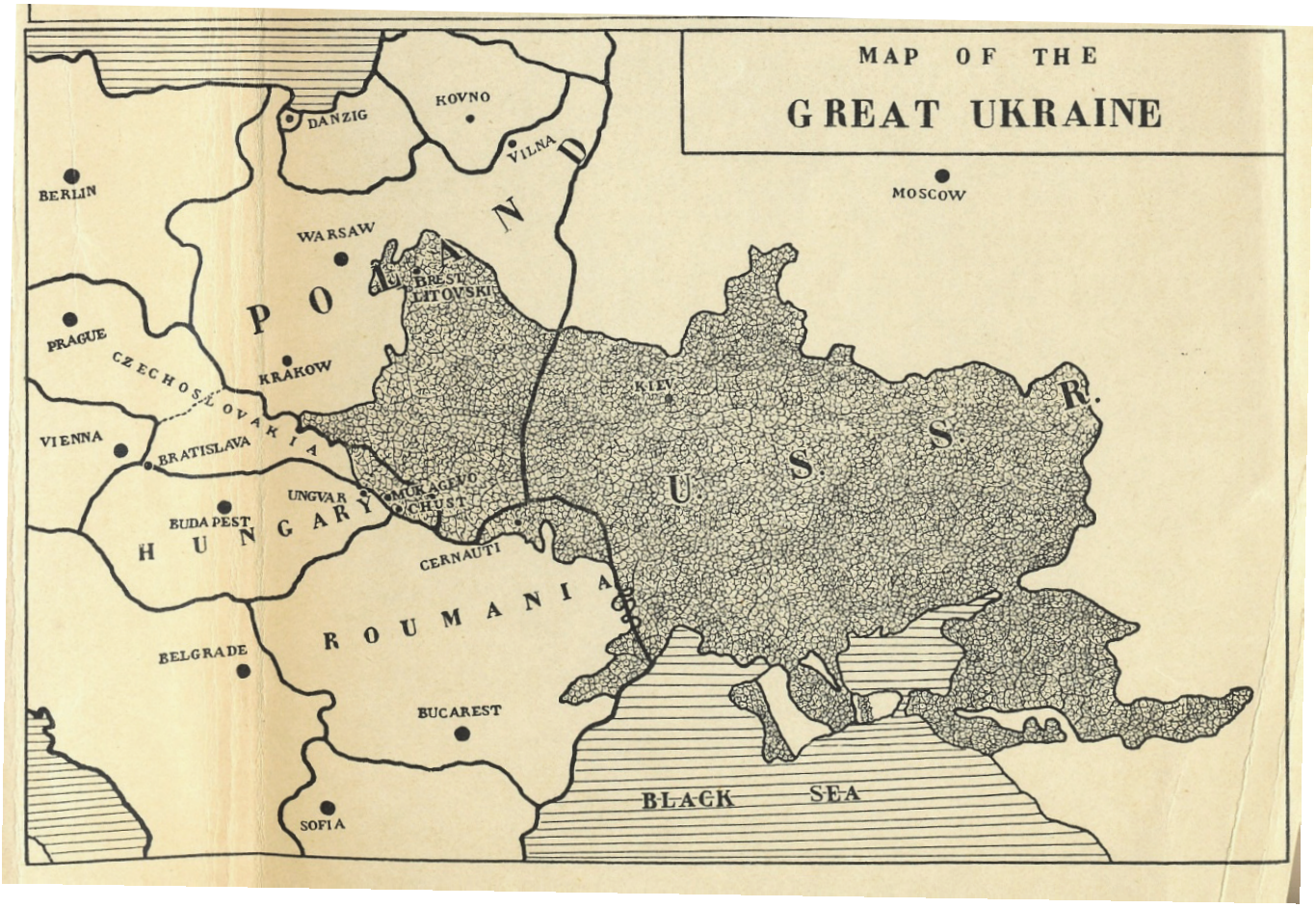
В межвоенный период правительство Чехословакии обращалось с украинцами и другими эмигрантами из восточной Европы с определенной симпатией. Однако как только правительство поняло, что украинское национальное движение набрало силу в Карпатском регионе, оно начало поддерживать русофильское население, открывая чешские школы и закрывая украинские. Это все только усиливало антагонизм среди украинцев против Праги. Когда Винч спросил местного украинца не боится ли он, что Германия сделает из них всех рабов, Винч получил такой ответ: «Ничто не может быть хуже чем рабство у Чехов.[…] Возможно, мы будем зажаты в тиски немцев на определенное время, но это не будет означать подавление национальных чувств как это происходит в нашем союзе с чехами. Не будет политики денационализации с Гитлером. Он уважает наше желание объединить украинскую нацию, ведь он сам продвигает националистическую идею»[5].

Конечно, ожидания поддержки были ошибочными. Идея Карпатской Украины как Пьемонта украинского ирредентизма была использована Гитлером чтобы за-

[4] Ibid. P. 28-29.
[5] Ibid. P. 55.

маскировать свои подлинные намерения в Восточной Европе. Несмотря на это, Винч, как и многие журналисты, думал в то время что «Великая Украина» могла бы быть вырезана из тех территорий, принадлежавших Польше, Румынии, Чехословакии и Советской Украине, на которых украинцы составляли большинство населения.

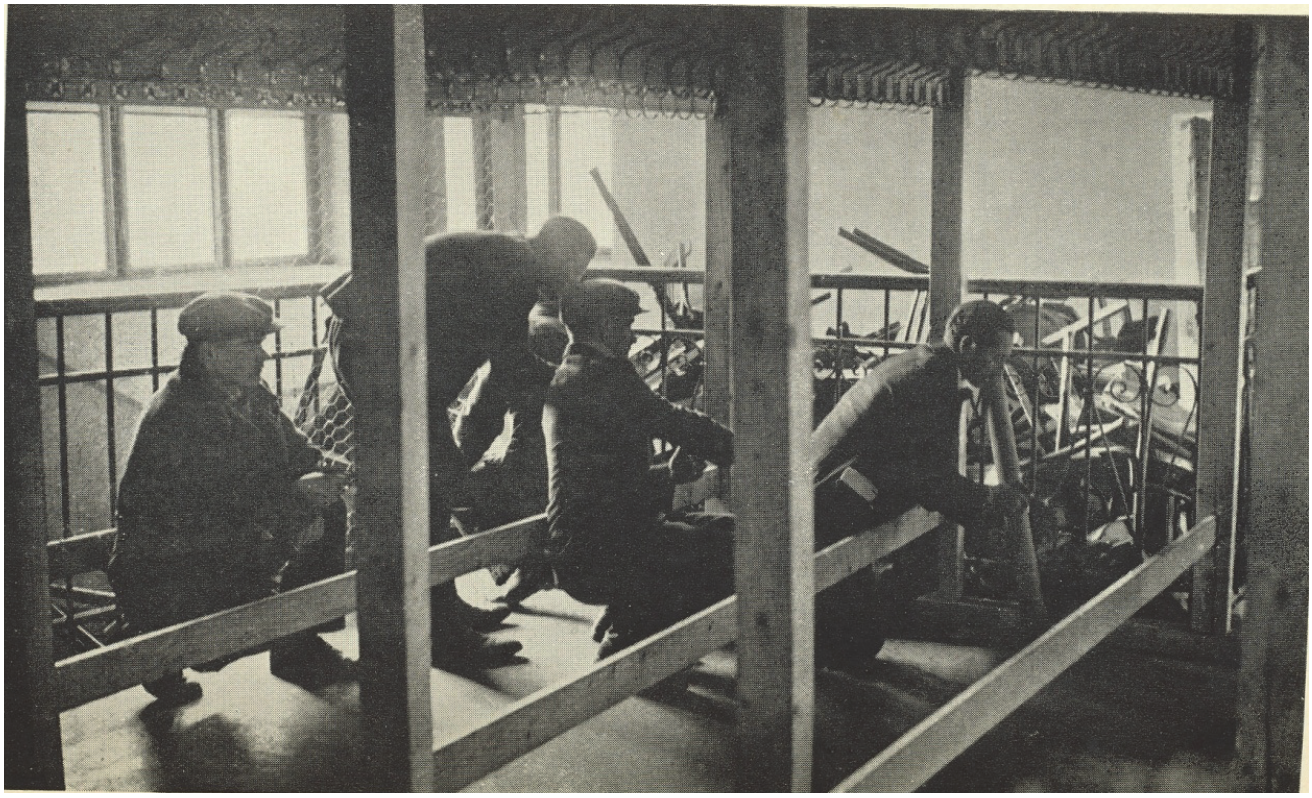
Когда Винч высказал мнение националистам о том, что переход под немецкий контроль мог бы означать порабощение, ему всегда отвечали, что новое украинское государство повернется против Германии, как только получит такую возможность и потому «Германия, наверное, не будет слишком требовательной по отношению к Украине, так как она понимает такую возможность»[6]. Репортер пришел к выводу что хотя националисты и стояли за независимость, они не занимали про-немецкую позицию: «Они чрезвычайно нуждались в помощи любых других стран кроме Германии […] и у них не было желания становиться колонией Германии, что бы люди не думали на этот счет»[7].



Карта является приложением к книге Винча, и показывает территорию, которую он представлял себе как «Великую Украину»

[6] Ibid. P. 146.
[7] Ibid. P. 128-129.

Польша и Венгрия яростно выступали против идеи Великой Украины и лоббировали Гитлера чтобы он ликвидировал Карпатскую Украину. Они закрыли свои границы с этим новым украинским государственным образованием и заблокировали железнодорожное соединение, таким образом парализовав его торговые пути. Венгрия желала завладеть этой территорией Украины, которой она управляла до Первой Мировой войны. На тот момент Венгрия вела политику ассимиляции на украинских территориях, запрещая украинский язык, школы и общественные организации. По взаимному соглашению сторон, в 1938-39 гг. польское и венгерское правительства вели диверсионные работы против Карпатской Украины, подрывая мосты, атакуя приграничные посты и разрушая телефонный кабель. В конечном итоге, с благословением Гитлера и с помощью Польши, в марте 1939 года венгерская армия вторглась на территорию Карпатской Украины.



«Сич» защищает отель где проживал Винч против вторжения чехов в 1939 году. Из книги Винча.

Венгры вышли на улицы города Хуст чтобы встретить оккупационные венгерские войска. Из книги Винча.

Британские и американские дипломаты не верили, что великое украинское государство входило в планы Гитлера. Секретный доклад из посольства США в Варшаве, датированный 15 декабря 1938 года и адресованный президенту США, сообщал что Германия никак не комментировала свои планы относительно судьбы украинского государства и лишь наблюдала за мировой реакцией на события в регионе[8]. В отчете также упоминалось о присутствии руки Берлина за анти-польской агитацией, тогда имевшей место в Карпатской Украине, за статьями, выпускаемыми Прагой, в пользу создания «Великой Украины», и за украинскими радиопередачами из Праги, Вены и Лейпцига[9]. Советское и румынское посольства, с другой стороны, чувствовали, что долгосрочные планы Гитлера все-таки включали украинское государство, и что британцы с французами были только рады «отразить немецкую бурю на востоке» в надежде что «окончательный немецкий удар против советов может стать в конце концов капканом для фашистской Германии»[10].

Германия, вероятно, разрешала ведение радиопередач потому, что хотела иметь влияние на ОУН и использовать это как рычаг для получения разведыва-

[8] Anglo-American Perspectives on the Ukrainian Question, 1938-1951: A Documentary Collection / Ed. L.Y. Luciuk, B.S. Kordan. Kingstone, 1987. P. 25.
[9] Ibid. P. 26-27.
[10] Ibid. P. 30.

тельной информации. Более того, радиопередачи служили немецким целям, ведь они критиковали и помогали подрывать авторитет правительств Праги, Варшавы и Москвы. Националисты, в свою очередь, получали выгоды от возможности поддерживать идею о том, что все украинцы, проживающие под Польшей, Румынией, Чехией либо Советским Союзом, составляют единую нацию и должны стремиться объединиться в единое независимое и суверенное государство. Право требовать автономную государственность, выдвинутое украинцами Польши (особенно тем регионом, который сегодня называется Галичина) и Чехословакии (регионом Закарпатья) было основано на обещаниях, данных новосозданными Польшей и Чехией Западным державам во время подписания договоров, которые последовали после окончания Первой Мировой войны.

Радиопередачи ОУН укрепляли требования украинцев о самоопределении ссылками на послевоенные соглашения. Передачи информировали слушателей о том, что Версальский мирный договор 1919 года и последовавшие за ним дополнительные соглашения включают в себя многочисленные заявления о защите права малых наций на самоопределение. Напомним, что, начиная с 1916 года, первоначальное значение этого принципа уже декларировалось как условие при любом послевоенном переделе национальных границ[11].

7 января 1918 года президент США Вудро Вильсон изложил свои знаменитые «четырнадцать пунктов», которые стали базой для всех послевоенных договоров. Он провозгласил необходимость перекройки государственных границ на основе «ясно различимых национальных границ» и призывал к «взаимной гарантии политической независимости и территориальной целости как больших, так и малых государств»[12]. Чтобы избежать милитаризма (догма, гласящая, что кто сильный тот и прав) была создана Лига Наций на основе идеи использования силы против любого государства, которое отказывается соблюдать международное право.

Ллойд Джордж в своей книге *Правда о мирных договорах* (1938) указал что непримиримость Польши была главной проблемой для тех, кто составлял договоры[13]. Бывший премьер-министр Британии, который играл ведущую роль в подписании договоров, дал такой комментарий: «Самоопределение не входит в поле амбиций Польши. Польша мечтает о том, чтобы вернуть Галицию, Литву и часть

[11] Lloyd George D. The Truth About the Peace Treaties. 2 Vols. L., 1938. P. 1, 31.
[12] Ibid. P. 72-73.
[13] Он написал, что политика Франции поддерживала идею Великой Польши с целью ослабить Германию. К тому же, существование большого количества избирателей польского происхождения в США также имело влияние на решение президента США. Поляки говорили, что при утверждении новых государственных границ необходимо учитывать границы 1772 года (Ibid. P. 973). Вот как Ллойд Джордж ответил польской делегации: «Мы добились свободы для тех наций, которые даже не имели малейшей надежды на это – чехов, поляков и других. […] Теперь же мы получили огромную проблему удерживать эти нации от аннексии территорий других наций и творить с этими нациями произвол, который они когда-то сами терпели в течении веков». (Ibid. P. 998).

Белоруссии. Голосование ее жителей по этому вопросу несомненно доказало бы желание ее народов самоопределиться. И потому в праве всех ее народов выбирать свою государственность лидерами Польши было незамедлительно отказано. Они претендовали на то, что эти многочисленные народы (в прошлом были частью Польши)»[14].

В результате, во время послевоенных переговоров национальный принцип часто игнорировался. Польша согласилась что граждане, принадлежащие к этническим, религиозным или лингвистическим меньшинствам должны обладать теми же правами и защищаться законом что и большинство: «В частности, они будут за свой счет контролировать свои собственные благотворительные, религиозные и социальные институты, школы и другие образовательные учреждения с правом использовать свой язык и исповедовать свою религию»[15]. Румыния и Чехословакия сделала подобные обещания[16]. Однако ни одно из этих обещаний они не сдержали. Польша отказалась признать право автономий для украинцев в Восточной Галиции и в 1934 году отказалась от обещаний, данных своим меньшинствам.

Радиопередачи ОУН акцентировали свое внимание именно на обещаниях, сделанных в 1919-1923 гг. и на праве на самоопределение, подтвержденном в очередной раз в Мюнхенских соглашениях. Таким образом, ОУН подробно излагала большинство из аргументов, которые украинское правительство в изгнании представляло в течении последних 15 лет[17]. Преимущественно украинские территории Восточной Галиции, так указывалось, были признаны Антантой как автономная территория по Рижскому договору. Польша подписала соглашение, но не выполнила его. По этому же договору Польша также получила Полесье, Хелм и Волынь (стенограмма от 13 февраля 1939 года)[18].

Польша выслала войска генерала Халлера против украинского населения несмотря на инструкции союзников предусматривающие что его армия не должна быть использована в таких целях (радиопередачи 18 июля 1939 года и 7 августа 1939 года). Радиопередачи утверждали, что украинцы Закарпатья в 1918 году декларировали приверженность к украинскому государству, но, когда Халлер вошел на территорию Галиции и изгнал украинские силы, украинцы одобрили свое присоединение к Чехословакии (стенограмма от 29 сентября 1938 года). 18 нояб-

---

[14] Ibid. P. 308-309.
[15] Ibid. P. 1385-1386.
[16] Ibid. P. 1365, 1375.
[17] Так, Кость Левицкий, националист демократических убеждений и ключевая фигура в истории Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), которая была провозглашена в 1919 году, утверждал в своей книге *Великий бунт*, что Австрия де-факто передала власть украинцам Галиции, когда Австро-Венгерская империя рухнула. См.: Левицкий К. Великий зрив: до історії української державности від березня до листопада 1918 р. на підставі споминів та документів. Львів, 1931. С. 109-10, 138-40.
[18] Здесь и далее по тексту даты радиопередач, как и в своих оригинальных стенограммах, подаются в скобках.

ря 1919 года Чехия обещала Карпатской Украине автономию, и согласилась в течении 90 дней созвать там парламент и утвердить отдельный парламент для этой новой территории (6 октября 1938 года).

Радиопередачи ясно показывают, что Карпатская Украина ожидала поддержки Германии, Британии, Франции и Италии – четырех держав, подписавших Мюнхенское соглашение. Общественное мнение Запада, как было сказано, становилось наконец-то благоприятным в отношении украинского вопроса. Речи Гитлера после подписания Мюнхенских соглашений характеризовались как симпатизирующие национальным меньшинствам, «порабощенным» официальной Прагой: «Это значит, что концепция создания Украины вышла на свет Божий» (3 октября 1938 года). Мюнхен характеризовался как прорыв в вопросе о самоопределении, который имел все шансы быть учтенным при регулировании спорных политических вопросов Европы. (Ibid.)

Приводя доводы в пользу существования Карпатской Украины, венско-братиславские радиопередачи использовали три аргумента: ранее признанную государственность, нарушенные договорные обязательства и принцип самоопределения. Однако, политика ОУН вышла за рамки требования ограниченной автономии. Она настаивала на самоопределении для сорокамиллионной украинской нации, которая обозначала исключительно объединение в одно независимое государство. Начиная практически с первой радиопередачи, ОУН декларировала, что «Закарпатье должно стать суверенным украинским государством! Оно должно стать единственным суверенным великим государством от Попрада и Татр до Каспийского моря и Кавказских гор!» (1 октября 1938 года).

Президент Вильсон часто вспоминался как человек, создававший аргументы для независимости: «В дальних краях, в столице США призыв президента Вильсона может быть услышан: Долой тиранию, долой притеснение! Более не должно быть наций-владык и наций-вассалов! Каждый имеет право на свободу и самоопределение! И границы с тюремными стенами, разделяющие брата от брата пали. Нации, которые доселе были угнетены и попираемы восстали: словаки, словенцы, чехи, хорваты, сербы и другие. И украинцы, самая большая нация из тех, кого угнетали, воспользовалась правом на самоопределение и разорвала свои оковы и сломала стены которые разделяли ее братьев один от другого […] Пусть будет единый украинский народ от Тисы до Черного моря и Кавказских гор! Пусть великая объединенная украинская держава живет и процветает!» (13 октября 1938 года).

В радиопередаче сообщалось, что 30 января 1939 года Гитлер упомянул *Четырнадцать пунктов* Вильсона, говоря, что «народы должны сами определять свое будущее, включая свое политическое существование на основе самого неприкосновенного естественного права» (31 января 1939 года). В радиопередачах также сообщалось, что академик Ханс Кох в своей речи в Вене сказал, что державы Антанты пренебрегли правом на самоопределение и позволили чтобы украинскую территорию поделили между четырьмя соседями. «Спасибо Адольфу

Гитлеру», как сообщается в его докладе, Мюнхенское соглашение дало для части украинского народа возможность создать свое собственное суверенное государство (5 февраля 1939 года). В то же время, даже когда Гитлер уже вторгся в Прагу и позволил Венгрии оккупировать Карпатскую Украину, радиопередачи все еще призывали к соблюдению Мюнхенского соглашения. В день вторжения Венгрии в Карпатскую Украину, передача цитировала германскую прессу о том, что Чехословакия угнетала немцев, словаков и украинцев, «и потеряла моральное право вмешиваться во внутренние дела как Братиславы, так и Хуста» (15 марта 1939 года).

Радиопередачи развивали довод, что украинцы Карпатской Украины имели долгую историю страданий и эксплуатации как национальная группа: «Наша история, с XVI века полна религиозных преследований! Венгерские магнаты заставляли наших крестьян принимать кальвинистскую веру, менять свои украинские фамилии на венгерские и, таким образом, вместе с верой своих предков потерять свою национальную идентичность. Вся долина Тисы, когда-то украинская, сегодня с помощью силы стала венгерской. […] Во время войны кириллица была запрещена, венгры хотели перевести даже богослужебные книги на свой язык […]» (12 октября 1938 года).

За последние годы, как было сказано, школы принуждались преподавать на чешском языке. Земля передавалась иммигрантам из России, и даже евреям, которые переезжали на эти земли в последствии изгнания из других стран (4 октября 1938 года). Все заводы и банки были в руках чехов, евреев и венгров (2 октября 1938 года). Правительство Праги инвестировало 14 миллионов крон в железную дорогу за последние двадцать лет, но ни один метр пути не прошел через территорию Карпатской Украины (7 марта 1939 года). 1,6 миллионов крон было инвестировано в территорию Карпатской Украины за тот же период, но 2 миллиона было изъято в форме налогов (7 марта 1939 года). 500.000 гектаров было передано польским колонистам в районах, которые и до этого были перенаселены (1 июля 1939 года).

В радиопередачах сообщалось, что появление автономного государства Карпатской Украины широко обсуждалось в международной прессе. Глеб Струве, знаток русской литературы, написал в лондонскую газету *The Times* от 13 октября 1938 года, что на территории Карпатской Украины не было украинцев и что украинское движение было «искусственным». Однако Чарльз Гаскел в том же номере газеты указал на стратегическую важность территории, которая на более чем 70% была заселена украинцами (18 октября 1938 года). Французский журналист, 17-18 октября в *Journal de Debats* в подтверждение тому заявил, что национальный состав территории является преимущественно украинским и что население ни хочет возвращаться ни под венгерское, ни под польское управление (20 октября 1938 года). Венгрия, Польша и Советский Союз все вместе были против создания автономного украинского государства. Поляки и СССР в особенности чрезвычайно боялись украинского ирредентизма.

Во Франции публицист Роберт Валери-Радо настаивал на том, что лишь неделимая Россия и альянс с Францией помогут сопротивляться немецкому империализму и подавлять освободительное движение Украины. Другой французский публицист, который представлял украинский вопрос как немецкую интригу, писал так: «Украины нет». В доказательство того он указал, что по туристическому довоенному справочнику Бредекера такой страны не существует. Одна радиопередача сообщала о заявлении французского парламентария, о том что украинское национально-освободительное движение было «организовано в Берлине» (19 февраля 1939 года) и что русский монархист в своей статье в парижскую газету *Возрождение* информировал так: «не существует украинского языка, потому что это всего лишь провинциальный диалект, и единственным литературным гением Украины можно назвать Гоголя, который писал на русском языке» (26 января 1939 года). Эта статья утверждала, что всего 2350 украинцев проживает в Карпатской Украине. Остальные были «русскими людьми». Газета Павла Милюкова *Последние новости,* выходившая в Париже, называла создание украинского вопроса «симфонией, сдирижированной Берлином». В ответ на нее венско-братиславские радиопередачи характеризовали команду Милюкова как «демолиберальную еврейско-масонскую группировку русской эмиграции» (Ibid.).

Не только ОУН, но, похоже, и большинство населения Галиции и Закарпатья поддерживало украинскую государственность. Львовская газета *Діло*, чьи редакторы были членами либерального и демократического Украинского национально-демократического объединения – доминирующая партия Галиции в межвоенный период – поддерживала требования Галиции и Карпатской Украины, говорящие о необходимости политической автономии. Ее передовицы были конфискованы, а статьи стали объектом цензуры польского правительства. В этот период в США были проведены крупные митинги и демонстрации в поддержку автономии Карпатской Украины.

Радиопередачи за 9 октября 1938 года сообщали что в нью-йоркской школе более 3000 украинцев, которые эмигрировали из этого региона, выступили в защиту автономии (20 октября 1938 года). Резолюция митинга была прочитана во время одной из радиопередач (21 ноября 1938 года). Она призывала державы, подписавшие Мюнхенское соглашение, поддержать украинское государство, и проинформировала что украинцы, проживающие на территории Карпатской Украины в 1918-1919 году выразили свое желание на объединение в государство, которое декларировало независимость в 1918 году, и что они согласились бы стать частью Чехословакии только в случае, если им будет представлена автономия (21 октября 1938 года).

Другая линия аргументаций настаивала не на международных договоренностях и политических принципах, но на силе и духе самого украинского населения. Это очевидно было отображением волюнтаристских взглядов ОУН. «Свирепая и беспощадная борьба», кто-то убеждал по радио, велась «чужаками», которые желали украинских земель. В этой борьбе не на жизнь, а на смерть, только

более смелая и стойкая сторона может победить. Украинцы должны дать ответ «на сталь и кровь врагов» в десятикратном размере! Око за око, зуб за зуб!» (2 октября 1938 года). Радиопередачи многократно убеждали слушателей в том, что Карпатская Украина «не нуждается ни в каких чужих землях, но не отдаст ни единого куска своей территории врагам» (12 октября 1938 года).

Эта линия была более воинственная и нетерпимая к оппозиции, чем официальные заявления правительства в Хусте. Цитировалась Газета ОУН *Народна воля*: «Эта битва на внешнем политическом фронте принесла нам полную победу. Следующей ступенью, ожидающей нас, является внутренний политический фронт. Что означает борьба дома? Здесь возможен лишь один ответ: с внутренними врагами, скрытыми вредителями, различными «русскими» и венграми […]. Многие из них до сих пор занимают важные позиции и тихо используют любой шанс для своих целей. Сегодня цель наших активистов-фронтовиков – разоблачить этих упырей и вытащить их на свет божий» (23 декабря 1938 года).

Такая риторика быстро приняла агрессивный тон: «Что есть общего между украинским и русским рабочим, еврейским прорабом и русско-еврейским информатором либо руководителем колхоза, посланным в Украину Кремлем для того, чтобы изъять украинское добро из земель, текущих молоком и медом, с целью экспортировать все это в эксплуататорскую праздную Москву и использовать в своих интересах бродягами испанского интернационала, комитетами бедных неработающих крестьян, питающих отвращение ко всем кто работает и убивающих тех, кто является их трудолюбивыми братьями?» (Ibid.). Подчеркивалась важность военного сопротивления. Степан Росоха, активист ОУН и член правительства, говорил: «Люди должны быть готовы в любое время; они должны стать военным лагерем» (27 декабря 1938 года).

Доклады, исходящие от правительства Карпатской Украины, были более умеренными. Только образовавшись, украинская администрация Хуста сразу начала подготовку к выборам в Сейм (парламент), в котором было 30 мест. Сообщалось, что немецкие и венгерские меньшинства должны были иметь по одному представителю от каждого (11 января 1939 года), как и чешское и румынское меньшинство (27 января 1939 года). Во время предвыборной кампании, которая проводилась 12 февраля, радиослушатели узнали о том, что деревни должны состязаться друг с другом за белый флаг, который будет поднят в избирательных округах, где как минимум 98 процентов голосовали за единый список кандидатов Украинской национальной ассоциации. Политические партии не были запрещены, но им было запрещено участвовать в выборах. Решение проводить выборы таким способом было принято правительством в Праге 26 октября 1938 года как часть пост-Мюнхенских соглашений.

Существовала «Немецкая Партия» которая была «организована по принципам национал-социализма». Член правительства, Юлиан Ревай, сообщал что Украинская национальная ассоциация и Немецкая партия разделяли «одни и те же идеи». Украинская национальная ассоциация получила необходимые 92,4 про-

цента. Большинство меньшинств отдали свои голоса именно за эту партию, за исключением венгров, которые в своем большинстве голосовали против (14 февраля 1939 года).

В радиопередачах сообщалось, что новое правительство провозгласило украинский язык официальным; что греко-католические и православные праздники стали государственными; что впредь требовалось правительственное разрешение на печать журналов и наказание за невыполнение этой нормы каралось заключением от двух до двенадцати месяцев (1 января 1939 года). В Хусте правительство начало реорганизацию госпиталей. Оно также объявило о строительстве нового железнодорожного сообщения которое должно было пойти в обход заблокированной линии через Венгрию (5 января 1939 года). Августин Волошин в своем интервью в *Völkischer Beobachter* сообщил о том, что надеется на начало экономического сотрудничества с Германией. Он также отметил что Германия была представлена как отдельная тема изучения в старших классах школ и что запланирована возможность более облегченного посещения школ в Германии (29 декабря 1938 года).

В первые месяцы 1939 года пресса была переполнена всевозможными статьями о венгерских террористических группах, которые преследовали цель дестабилизировать страну. Польские группы не упоминалось, скорее всего из-за немецкой цензуры. Правительство сообщило об установке радиопередатчика и создании государственного издательства (19 января 1939 года). Оно также проинформировало общественность о желании основать государственную систему всеобщего образования, систему обеспечения опеки над престарелыми, систему предоставления государственных кредитов для крестьян, которые позволят им развивать свои фермы. Кроме прочего, правительство также желало аннулировать займы с завышенными процентными ставками, а также покончить со спекуляцией на рынке ценных бумаг (2 февраля 1939 года). Однако экономическая ситуация в стране ухудшалась и конфликт с Прагой еще больше разгорелся, когда Генерал Прчала был назначен членом правительства без консультаций с Хустом. Это действие расценивалось украинцами как нарушение уже согласованной конституции (2 февраля 1929 года).

После того как Карпатская Украина прекратила свое существование, радиопередачи переключили свое внимание на Польшу. Они стали обсуждать притеснение Варшавой активистов культурно-образовательных обществ «Просвита». Сообщалось, что заместитель председателя «Просвиты» был избит и принужден сжечь 300 книг, принадлежащих обществу (10 мая 1939 года). В двух деревнях директор польских школ требовал от местных жителей список тех, кто когда-либо заказывал книги в библиотеке «Просвиты». Руководство «Просвиты» часто привлекалось к суду и обвинялось в хранении запрещенной литературы, даже если эти книги официально были напечатаны в Польше. Как сообщалось, полиция в особенности была заинтересована в поиске литературы на тему истории и географии Украины. Утверждалось, что поляки «хотели защитить молодых украин-

ских крестьян от понимания своего великого прошлого и размеров украинского (национального) пространства» (15 июня 1939 года).

В радиопередачах упоминалось, что польское правительство пыталось оградить Волынь от влияния националистов: польская почта отказывалась отправлять украинскую периодику из Галичины, также создавались некоторые затруднения для перемещения частных лиц: рабочие и даже туристы не могли свободно путешествовать в Галичину (30 июня 1939 года). В то же время полонизация Волыни лишь набирала обороты. Более 200 колоний было организовано для повторного обучения сельских детей, которые якобы были «русинизированы» и нуждались в «ревиндикации» (то есть, в возвращении к своей первоначальной вере и языку). Множество кооперативов и частных магазинов были закрыты (11 мая 1939 года).

Подобные усилия с целью предотвратить усиление украинского движения были предприняты в Хелмщине, Подляшье и Лемковщине (15 мая 1939 года). Успешная молочная кооператив-фирма «Маслосоюз» была закрыта сразу в нескольких городах. Имели место также попытки закрыть другой кооператив «Центросоюз» с помощью поднятия налогов и установления запрета на экспорт. Сообщалось, что польские группировки разбивали окна магазинов, принадлежащих «Маслосоюзу», и мешали им нормально функционировать (12 июня 1939 года). Хотя остается не до конца понятным, насколько точны все эти отчеты, но факты усиления кампании по полонизации украинцев, преследования украинских активистов, закрытия кооперативов под различными предлогами и умышленная изоляция некоторых территорий были доказаны историками[19].

Радиопередачи ОУН сообщали о том, что польский сейм принял закон ограничивающий земельные владение православных церквей. Приход мог владеть максимум 40 гектарами, а епископат 150. Земли, превышающие эти размеры, могли быть куплены государством и перераспределены среди польских колонистов. Таким образом, за последние 20 лет, около 60000 гектаров было изъято у Украинской Православной Церкви без какой либо компенсации (2 июня 1939 года).

Жалобы украинцев были подытожены во время радиопередачи за 10 июня: «Польша ... тормозит всякое культурное, экономическое, религиозное и даже спортивное развитие [украинцев…]. Необходимо отметить, что 7 миллионов украинцев не имеют своего университета, в то время как польские власти создают столько сложностей, сколько возможно, при зачислении в свои польские университеты. Сельские школы в украинских деревнях либо польские, либо в лучшем случае двуязычные с польскими учителями, которые в жесткой форме пытаются

[19] Напр.: Wysocki R. Organizacja ukraińskich nacjonalistów w Polsce w latach 1929-1939: geneza, struktura, program, ideologia. Lublin, 2003. P. 40; Potocki R. Polityka państwa polskiego wobec zagadnienia ukraińskiego w latach 1930-1939. Lublin, 2003. P. 206, 227; Sycz M. Polish Policy Toward the Ukrainian Cooperative Movement, 1920-1939 // Harvard Ukrainian Studies. 1999. Vol. 23. № 1-2. P. 25-45; Snyder T. Sketches from a Secret War. A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven, L., 2005. P. 69.

втиснуть в украинское дитя польскую душу. В то же время украинские учителя умышленно переселяются в центр Польши. Существует много примеров, когда польские учителя силой заставляли украинских детей посещать римско-католические религиозные проповеди, петь польские патриотические песни и молиться по-польски. В то же время польские учителя запрещали украинским детям молиться и петь по-украински. Естественной реакцией украинских детей на такое отношение, как говорила передача, было требование «украинской школы с украинским учителем» (10 июня 1939 года).

16 июня во время публичной встречи римско-католический священник сообщил что никогда не было и быть не может «Украины в Галиции». Он утверждал, что на протяжении последних 15 лет не украинцы, а поляки были унижаемой группой в восточных землях. Он заявил, что Галиция была «маслом, зерном, солью, лесом и углем» и что поляки «прекратили угождать украинцам и сейчас организовывают отношения с местным населением в соответствии с интересами Польши». Борьба против украинцев велась в трех областях: религия, экономика и образование. Он был рад отметить, что в Станиславской епархии за последний год наказано 251 греко-католического священника (16 июня 1939 года). В радиопередаче добавили, что согласно информации из Западной прессы, около тысячи украинских священников были заключены под стражу.

В Польше репрессии, пришедшие вслед за ликвидацией Карпатской Украины, часто были жестокими. Радиопередачи информировали о пытках политических заключенных электрошоком, да и факты смерти в полицейском участке маскировались как суицид (11 августа 1939 года). Сообщалось также о жестокой расправе над группой в 300 человек, которых венгры передали полякам 20 марта возле Ясина. Радиопередача не могла подтвердить были ли жертвы дезертирами или теми, кто перешел границу законно (7 июля 1939 года). На Волыни, Полесье и Хелмщине около 600 читальных залов «Просвиты» было закрыто (21 июня 1939 года). Сообщалось, что 114 украинских церквей было разрушено, а принадлежащие им иконы и книги – уничтожены (15 июля 1939 года).

Римско-католическая церковь и военно-ревиндикационная комиссия совместно участвовали в таких действиях (20 июня 1939 года). Так, было предложено объединить церковные календари, но украинцы противились такому решению. Они считали, что в таком случае пускай календари объединят и с мусульманами, иудеями и караимами. В то время необоснованное разрушение домов было частым явлением, и несколько примеров этого было приведено в радиопередачах (20 июня 1939 года). Сообщалось, что из 3000 украинских школ, которые существовали на 1922 год, только 100 просуществовали к 1939 году (12 августа 1939). Систематический поход против украинских институций есть бесспорный факт[20],

[20] Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Paris etc., 1993. P. 34-35 (ориг.: Kosyk W. L'Allemagne national-socialiste et L'Ukraine. Paris, 1986); Wysocki. Organizacja ukraińskich nacjonalistów. P. 40; Magocsi P.R. A History of Ukraine: The Land and Its Peoples. 2nd ed. Toronto, 2010. P. 637.

хотя относительно точных количественных показателей мнения ученых расходятся.

Радиопередачи также информировали о том, что польская колонизация, которая имела место в регионе от Пшемышля до Тернополя, стремилась разделить Галицию на две части. Подобные действия проводились и на Волыни с целью отделения украинцев от приграничных с Советским Союзом территорий (15 августа 1939 года). Слушателям говорилось, что большинство этих случаев подтверждалось публикациями в неукраинских газетах, таких как голландская *Het Natsionale Dagblad* и польская *Kurier Warszawski*. В последней газете было написано, что «мы не можем быть славянами, если угнетаем других славян» (17 августа 1939 года). В течении последних недель радиовещания в эфире можно было услышать жалобы о том, как поляки удовлетворяли свои «исторические притязания» и «имперскую миссию» (которая включала в себя мечту управления территорией от моря до моря) путем осуществления репрессий против меньшинств (21 августа 1939 года).

Сообщалось, что экономика была в плачевном состоянии, спекуляция росла, а черный рынок создавал ужасные условия для жизни (24 и 31 августа 1939 года). Передачи говорили, что Польша доказала свою несостоятельность в организации достойного существования собственному государству, потому что обременила себя огромным количеством национальных меньшинств. В результате этого начался рост государственного террора и борьба с национальными движениями меньшинств. Норвежская пресса писала о том, что «польской трагедией было требовать в 1919 году слишком многого» (6 сентября 1939 года).

Очевидно, что отдельная информация была взята из немецкой прессы, но многое пришло из украинских источников и из собственных бюро новостей ОУН. Многие выводы вполне соответствовали выводам, сделанным такими независимыми комментаторами, как Винч и Ллойд Джордж. Но по некоторым аспектам, в радиопередачах не соглашались с сообщениями, печатавшимися в передовой украинской и Западной прессе демократического толка.

Во-первых, в отношении защиты Германии. Эта защита, как мы уже видели, возникла в ОУНовских передачах как часть критики пост-Версальского порядка. Радиопередачи настаивали на том, что Гитлер гарантировал границы Карпатской Украины. ОУН пыталась поставить в один ряд интересы украинцев, немцев и фашистских государств. Одна из стенограмм цитировала *La Vita Italiana*, сообщая, что европейский конфликт был «между демо-плутократо-жидо-масонскими креатурами Версаля и принципом на самоопределение фашистских государств». В другом месте конфликт представлялся как таковой «между еврейско-азиатским большевистским интернационалом и фашистскими государствами» (17 февраля 1939 года).

Попытка противопоставлять гитлеровскую Германию всему советскому сводилась к противопоставлению религии и атеизма. Сообщалось, что Гитлер говорил, что никто в Германии не преследовался за религиозные взгляды. В радиопереда-

чах подчеркивалось также, что в Испании генерал Франко вещал о Боге и об Отчизне; в Португалии Салазар признавал важность религии; Муссолини при произношении клятвы фашистов первым предложением клялся на верность Богу; да и национал-социалисты включали призывы к Божьей помощи в тексты своих присяг (25 февраля 1939 года). Идеологически близким к берлинской пропаганде был и тезис о том, что Советский Союз стремился превратить Карпатскую Украину в военную базу (30 сентября 1938 года). В передаче говорилось: «Пражское объединение с большевистской Россией предопределило Карпатской Украине роль военной базы для продвижения Красной Армии в Европу – то, чего украинцы, как естественные поборники европейской культуры, противники азиатского варварства и заклятые оппоненты коммунизма, никогда бы не допустили» (1 октября 1938 года).

Сообщалось, что после того, как Прага и Москва в 1935 году подписали пакт о взаимопомощи, Коминтерн проводил подрывную деятельность в Карпатской Украине, так как он считал этот регион мостом, связывающим Советский Союз и Западную Европу: «ежегодно более дюжины проплачиваемых коммунистов отправлялись из Карпатской Украины в Украинскую ССР для инструктажа. Эти стажеры удерживались там в изоляции от внешнего мира, чтобы, упаси Господь, они не смогли увидеть вокруг себя тот «рай» про который еврейско-русские лидеры «Мировой революции» постоянно говорили им. Тем не менее, после возвращения в Закарпатье, многие из этих «студентов» убегали из еврейско-русского дурмана и бывший «мировой пролетариат» выступал против коммунизма и начинал борьбу против новых анклавов рабочих и крестьян» (9 октября 1938 года).

Вторым важным пунктом, по которому радиопередачи отходили от мейнстрима украинской и Западной прессы, было развитие ОУН анти-еврейской линии. Радиопередачи часто использовали формулировку «жидо-большевики», особенно в течении первых недель в эфире. Из передач следовало, что новое правительство Карпатской Украины пыталось «уменьшить еврейское влияние на экономическую жизнь населения, поддерживая украинские предприятия и украинский капитал» (18 февраля 1939 года). Начиная с 1937 года, ОУН проводила все более возрастающую антисемитскую линию. Этот курс был симптомом веры в поддержку Германии и отражением ухудшения политической обстановки в Европе.

Радиопередачи изображали евреев Закарпатья, насчитывавшее 100.000 человек, следующим образом: «За свою верность и преданность в службе чехам, евреи, особенно в Карпатской Украине, получили от Праги концессии на владение тавернами, в которых они склоняют и без того бедное население к пьянству, и, таким образом, делают его еще более зависимым от них в торговых операциях и других государственных монополиях, а также во всех видах публичных работ, поставок и т.п. Одним словом, евреи имеют особое привилегированное положение в чешской администрации Карпатской Украины. В свою очередь, те благосклонно платят за это чехам. Евреи пропагандируют чешскую идею в Карпатской Украине, а также служат информаторами для Чешской полиции против украин-

ского освободительного движения, с которым те борются всеми доступными им методами – иногда вероломством, иногда путем высылки людей в чешские тюрьмы, а иногда отказывая им во всех средствах к существованию. Странно то, что крестьяне и рабочее население боятся евреев больше, чем чешских жандармов, так как экономическая политика времен чешской оккупации в Карпатской Украине сознательно ставила украинское население в полную зависимость от евреев. Лишь еврей мог покупать либо продавать. Если кому-либо нужны были деньги для покупки, еврей давал кредит под высокий процент и лишь тому, кто имел товар либо земли, которые еврей мог бы забрать в случае его невыплаты от беднейшего рабочего или крестьянина с помощью государственных механизмов. Евреи боролись против прибыльных мануфактур и частного бизнеса украинцев всеми возможными способами, включая незаконные […]» (9 октября 1938 года). Радиопередачи описывали оппозицию Карпатской Украинской автономии как работу еврейских, москвофильских и марксистских агитаторов в услужении либо коммунистам либо Праге (20 октября 1938 года).

Иногда радиопередачи включали отдельные «лекции», которые были пропагандой ОУН. Одна такая лекция, датированная 31 декабря 1938 года, была посвящена евреям: «Среди меньшинств, населяющих Украину, проживает 3.25 миллионов евреев (согласно статистическим данным 1931 года). В Украине историческая роль евреев сводилась к службе врагу. Сейчас они служат большевикам. Как арендаторы панских владений и держатели шинков, а еще как хранители ключей от церквей, поддерживали иностранных правителей в их эксплуатации украинского народа. Сейчас, они подобным образом противостоят освободительной борьбе украинского народа и стоят на стороне Москвы, большевизма и их сателлитов. Все руководство и административный аппарат Коммунистической партии Западной Украины состоит из евреев. В Центральной и Восточной Украине евреи и русские служат агентами секретной полиции, информаторами и бесчисленными комиссарами для борьбы с борцами за свободу Украины».

Лекция описывала евреев как «шкурников» (людей, которых в первую очередь заботит своя выгода), материалистов, эгоистов, которые деморализовали народы мира, как людей без героического мышления, без идей о самопожертвовании ради высокой цели, людей, которые лишь знают, что такое личный интерес и удовольствие в удовлетворении низших инстинктов, и хотят лишь унизить героическую культуру народов-борцов». Лексика и фразы в этой лекции практически ничем не отличаются от той, которые использовались пару месяцев спустя в статье Ярослава Стецько: это говорит о том, что именно он мог быть автором «лекции»[21]. Лекция завершается так: «Большевизм, именно то, чему служат евреи Ук-

[21] В начале 1939 года немецко-польские отношения быстро испортились, так как Гитлер потребовал передачу Гданьска Германии. 8 мая 1939 года Ярослав Стецько, ведущий член ОУН, возможно ради того, чтобы угодить немцам, напечатал в канадской газете *Новый Шлях* под псевдонимом Зиновий Карбович следующее: «В прошлом они были арендаторами панской недвижимости и владельцами шинков, держателями церковных ключей; как экономы у поляков

раины, есть продуктом русской азиатчины, а главный враг Украины — это Москва, а не евреи, которые помогают Москве, и потому с ними надо бороться согласно их роли» (Ibid.). Эти строки были повторены в 1941 году в пропаганде ОУН-Б, т.е. в бандеровском крыле ОУН после раскола организации.

В течении первых недель 1939 года подобные комментарии о политической роли еврейства часто присутствовали в эфире. 3 января слушателей проинформировали о «еврейской пропаганде в сговоре с реакционными поборниками народного фронта, которая пытается помешать уважению всего мира к Германии путем насаживания истерического страха войны […]». 27 января сообщалось, что собрание евреев решило выслать заграницу свою делегацию для обсуждения с другими евреями возможности эмиграции из Карпатской Украины. Радиопередача прокомментировала это так: «Пожелаем же делегации полной и скорейшей удачи» (27 января 1939 года).

В последних радиопередачах анти-еврейские комментарии занимали все меньше места и фразовым клише описывающим врага стал «русский большевик» (28 июня 1939 года). В ОУН были те, кто высказывался против выражения анти-еврейских взглядов, и предупреждал, что расизм Гитлера и его план относительно Восточной Европы, к тому времени уже выраженный в книге *Mein Kampf*, был дурным предзнаменованиям для украинцев. Радиопередачи действительно с опаской дистанцировались от некоторых действий Германии. Как сообщалось, Германия могла провозглашать такой слоган как «Aufs Land!» (означающий «Покиньте города и идите в деревни!»), потому что это было возможно для индустриально развитой страны. Однако, Украина, преимущественно аграрная нация, должна была выдвинуть противоположный слоган: из деревни в город, покорение города! (3 марта 1939 года). Это сообщение повторялось и на следующий день. «В города!» было представлено как лозунг, противоположный гитлеровскому «Blut und Boden» (кровь и почва) (4 марта 1939 года).

6 марта радиоэфир в который раз закончился таким сообщением: «города Восточной Европы – это политические центры народа» (6 марта 1939 года). Более того, в радиопередачах отчетливо различали сообщения немецкой и украинской прессы. Один немецкий пресс релиз, например, сообщал, что в некоторых горо-

---

они эксплуатировали людей. Сейчас подобным образом они опять выступают против украинской народной освободительной борьбы помогая Москве, большевикам и их сателлитам. Все руководство и административный аппарат Коммунистической партии Западной Украины состоит из евреев.[…] Как агенты ГПУ, шпионы и комиссары, евреи и русские в Восточной Украине вместе уничтожают украинских борцов за свободу. Еврейство, по одну сторону границы помогает московскому большевизму, а по другую – другим врагам Украины. Они захватили торговлю в свои руки и живут на украинской земле, практикуя обман, эксплуатацию, служа врагам Украины. Это нация искателей прибыли, материалистов, эгоистов, которые деморализуют народы мира, нация без героизма, без великих идей, нация которая лишь ищет личную корысть и удовольствие в удовлетворении низших своих инстинктов и желает разрушить героические культуры других. […] Главная борьба – это борьба против Москвы и большевизма; против евреев только в той мере, в какой они помогают врагам украинского народа и эксплуатируют наш народ». Карбович З. Жидівство і ми // Новий шлях. 8.5.1939.

дах Карпатской Украины, где немцы были большинством, площади были названы в честь Адольфы Гитлера (27 декабря 1938 года). Подавая эту информацию без каких-либо комментариев, лишь указывая что ее источниками являются немецкие СМИ, ведущие радиопередачи давали слушателям понять, что они вынуждены это сообщить. 22 марта отмечалось, что свидетелями было замечено, как евреи указывают венграм на дома в которых находились отделения «Сичи» (полиция Карпатской Украины, преимущественно управляемая ОУН) (22 марта 1939 года).

Формулировка «русско-еврейские большевики» появилась в последний раз в радиопередаче за 25 апреля 1939 года. И если критика Венгрии также прекратилась к тому времени, то критика Польши, напротив, чрезвычайно усилилась. Начиная с того дня, когда советская армия перешла границу с Польшей, и до последней радиопередачи, датируемой 22 сентября, сообщения включали в себя исключительно сводки из немецкой прессы, которыми и представлялись; к этому времени радиопередачи превратились в лаконичные отчеты о перемещении войск без каких-либо комментариев.

Возможно, будучи убежденными в неизбежности войны Германии с Советским Союзом, радиоведущие использовали возможность радиопередач, чтобы пропагандировать независимость. Когда им запретили это делать, они замолчали и заняли выжидательную позицию. Манипуляции Берлина с содержанием передач очевидны, но авторы стенограмм радиопередач не только следовали директивам нацистов, они также развивали свои аргументы в пользу украинской государственности. Этот аргумент был основан на международных соглашениях, принципе самоопределения и идеи справедливости для малых и угнетенных наций.

Однако, лесть к Гитлеру и поддержка Германии дискредитировали ОУН и – для многих наблюдателей – независимость как таковую. Государство Карпатская Украина и ОУН использовались немцами для дестабилизации Чехословакии и Польши, и поэтому, как только это автономное государство и национальное движение отслужили свою службу, они сразу были отброшены в сторону. Стенограммы говорят, что так оно и было. Помимо некоторых вышеописанных завуалированных упоминаний, радиопередачи не содержали критики Германии, даже после того, как Венгрии было позволено вторгнуться и разбить Карпатскую Украину. Стенограммы также показывают, что ОУН встала на анти-еврейскую позицию, по всей вероятности, как часть необходимого «отступного» за возможность вести радиопередачи, проводить военные учения и за обещания помощи в туманном будущем.

Перевод: Клавдия Левицкая (Манитобский университет, Канада)